

Wanda Supa
(*Białystok, Polska*)

ОБРАЗ ОДЕССЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ОДЕССКОЙ ПЛЕЯДЫ»

Определение «одесская плеяда»¹ относят к довольно большой группе (в ненаучном понимании) русскоязычных писателей², которые провели в Одессе хотя бы несколько лет детства и (или) юности, начинали свой творческий путь в первые десятилетия XX века, и покинули город, когда в конце гражданской войны он оказался на территории Украинской Социалистической Республики. Параллельно с термином «одесская плеяда» в истории русской литературы функционируют определения «южнорусская» или «черноморская» школа («школа» также в ненаучном понимании) в литературе 20-х и 30-х гг. К «плеяде» принадлежали литераторы разной национальности, напр., Исаак Бабель и Илья Ильф – евреи, братья Катаевы – по отцовской линии русские, по материнской – потомки запорожских казаков, Юрий Олеша – поляк, и эти примеры наглядно иллюстрируют факт многонациональности, политкультурности и полирелигиозности населения города, факт, что Одесса это город, хотя находящийся до гражданской войны в границах русской империи, то не совсем русский, а скорее пограничный и унаследовавший при этом многое из античной, западной³ и украинской культур (напр., из последней дух Дикого поля и запорожской вольницы).

Членов «плеяды» соединяли, в первую очередь, возрастной, культурологический и историко-географический факторы – они формировались как люди и литераторы в начале XX в. и прониклись атмосферой города, открытостью на разные внешние влияния. Считается, что мигранты-одесситы увезли с собой часть среды, которая их сформировала: язык, юмор, предприимчивость, свободолюбие, и прежде всего - память об Одессе. Жизнь вне Одессы дала им возможность обостренно осознать уникальность этого города, резче ощутить

¹ Это метафорическое определение ввел в обиход О. В. Филимонов, составитель сборника *Одесская плеяда. Сатирические произведения 20-30-х годов*, Киев 1990.

² К неформальной «одесской» или «южнорусской школе» принадлежат: И. Бабель, Эдуард Багрицкий, Ефим Зозуля, И. Ильф, В. Катаев, Ю. Олеша, Е. Петров и др.

³ Как известно, много одесских достопримечательностей построено по проектам французов и итальянцев, кроме того первыми градоначальниками Одессы были иностранцы Дюк де Ришелье и де Рибас.

оппозиции: юг – север, запад – восток, дух свободы и предприимчивости versus пассивность и готовность подчиняться самым абсурдным указам, веселость нравов со склонностью к легкомыслию versus унылая серьезность и плачевность⁴, и т.п.

Каждый из литераторов, кто провел в Одессе хотя бы несколько лет своей жизни, ощущал ее вдохновляющую силу и выбирал или на место действия эпических произведений, или на главного героя лирических, пытаясь постичь и осмыслить ее феномен, т. е. отразить уникальность ее географического положения, истории (город искусственный, «умышленный»), специфическую атмосферу и менталитет разноязычного населения, внешним показателем которого являлись манеры поведения, жесты, даже типы улыбок⁵. Благодаря этому укреплялся и обогащался миф Одессы, третьей, южной столицы русской империи, миф создан еще в XIX в. русскими. Припомним, что у истоков литературного одесского мифа (мягкий климат, богатая южная природа, соседство моря, относительная свобода нравов жителей, красота «дев» и т.п.) стоят стихотворения Ивана Долгорукова, Василия Туманского, Александра Пушкина и др. В принципе, каждый из представителей «плеяды» внес что-то свое в расширение одесского мифа, разработав новые его ответвления.

Считается, что самый большой вклад в одесское мифотворчество XX в. внес Исаак Бабель⁶ как автор *Одесских рассказов* (1921-1924) и посвященных городу очерков, в которых поэтизировал и романтизировал детали, характеризующие дух и статус пригородной еврейской уголовщины и местечкового мещанства Молдаванки. Его пригород это мир со своим специфическим бытом, обычаями, законами и иерархией ценностей. Автор *Заката* типологически гиперболизировал значение той среды, которая в принципе для большого города была явлением маргинальным, но благодаря его таланту, проявляющемуся, между прочим, в умении создавать убедительные литературные портреты (семейство Криков, тетя Песя, Любка Казак, Фроим Грач и др.), на главных представителей одесского космополитического общества в восприятии читателей выдвинулись веселые и отчаянные налетчики, плуты и преступники с Бенею Криком во главе, возвышенным некоторыми

⁴ Как доказывают современные исследователи, плачевность и «смех сквозь слезы» стали характерными для русского менталитета вследствие татарского ига, войн, смут, революций, сталинского террора. В наши дни эти ингредиенты уступают место веселости ироничной и циничной. См. шире: И. Коньрева, *Проблема типологии русского менталитета*, «Успехи современного естествознания» 2005, № 3, с. 110 – 111.

⁵ Напр., В. Катаев в одном из своих последних произведений *Спящий* ввел определение «черноморская улыбка».

⁶ Бабель жил в Одессе не очень долго, всего 6 лет с 1905 по 1911 г., но чувствовал себя одесситом. Ср.: Г. Фрейди, *Одесса – мама Исаака Бабеля*, в: magazines.russ.ru/nz/2011/4/nr26.html.

до символа одесского еврейского Робин Гуда. В *Одесских рассказах* имеет место романтизация «духа раскрепощения», задора, легкости, жизнерадостности. Как известно, основы Бабелевского мифа развенчивает Валерий Смирнов⁷, но он (миф) продолжает жить своей жизнью.

В свою очередь в очерке *Одесса*, Бабель в свойственной ему иронической манере назвал Одессу городом «скверным», но в котором легко и ясно жить (к стати, замечания такого типа в разных вариантах мелькают в произведениях всех бывших одесситов). Упомянутый текст насыщен крылатыми обобщениями, подчеркивающими, напр., что «в Петербург одесские брюнеты принесли с собой немного солнца и легкости», а также «плодотворное животворящее влияние русского юга». Как почти все города, Одесса для Бабея это город контрастов – внимание писателя привлекало «бедное еврейское гетто», очень самодовольная буржуазия и очень «черносотенная городская душа». Упоминание о «черносотенной», антисемитской душе Одессы или краткое замечание: «а поодаль от широкого моря дымят фабрики и делает свое обычное дело Карл Маркс»⁸, это сигналы, что и среди космополитического, в общем более толерантного, чем в других русских городах, населения, тоже имели место конфликты на национальной, религиозной и общественной почве. Черносотенную душу русского юга (погромы евреев) Бабель наиболее полно показал в автобиографическом рассказе *История моей голубятни* и в некоторых рассказах *Конармии*.

Другой из знаменитых одесситов Юрий Олеша в цикле ранних «одесских» стихотворений (1917–1918), под заметным влиянием Пушкина создал метафорический образ чудесного, западного, неповторимого, и мало похожего на пригород Бабея полисного пространства. Например, в стихотворении *Бульвар* доминирует атмосфера восхищения красотой города с его герменевтической архитектурной символикой, богатством и интенсивностью культурной жизни: «Театр в огнях на небе бледно-алом/. Музей весь синий. Сумерки прошли/ Между колонн и реют над порталом»//. Присутствуют в стихотворениях будущего автора *Зависти* наиболее часто описываемые слагаемые одесской топонимики – памятники: «окаменелый Пушкин, лестница в листе и черный Дюк с простертою рукою»⁹. Но стихотворение *Кровь на памятнике* отражает уже реакцию на нахлынувшие перемены, принесенные революцией и только что начавшейся гражданской войной – как правило, первыми жертвами политических землетрясений становятся атрибуты прежней власти и строя: памятники, эмблемы, гербы. Итак, на памятнике

⁷ см.: timer.odua/minds/mify-ob.-odesse/-odeskij-mif.html.

⁸ И. Бабель, *Одесса*, emsu.ru/lm/cc/babel.htm.

⁹ Е. Голубовский, *Предисловие* (в:) Ю. Олеша, *Облако*, «Октябрь» 2005, № 7, magazines.rus.ru/octobr/2005/7/ol25.html.

основательнице Одессы Екатерине II появился красный флаг. Для лирического героя это только знак прогресса и надежд на перемены к лучшему, но на самом деле, как показала история - начало жестокой борьбы за новую организацию жизни и переоценку прошлого. История «старорежимных» памятников и в Одессе была плачевной, но большинство из них удалось сохранить.

Для Олеси, который не хотел в советскую эпоху стать конъюнктурным писателем, и, говоря словами Владимира Маяковского, «наступил на горло собственной песне», т. е. практически перестал писать, Одесса, в которой он жил с 1902 по 1922 г., осталась в памяти как самое светлое и нежное воспоминание. В мемуарах он с ностальгией подчеркивал, что именно в Одессе «научился считать себя близким к Западу», что в детстве «жил как бы в Европе»¹⁰. В этих словах характер города противопоставляется не только всему советскому, но и кондово русскому, со свойственной последнему атмосферой страха, ощущением незащищенности, и наличием близких к абсурду беспорядков. Одесса в сознании писателя ассоциируется именно с порядком и красотой (как известно, центр города с большими декоративными ансамблями в выдержанном эстетическом стиле строился по заранее подготовленному плану), светом и счастьем, с чем-то ирреально прекрасным. В 1941 г. он написал:

«Мне часто снится чудесный город... широкие асфальтированные аллеи и круглые площади с высокими фонарями. Но такой светлый в нем воздух, так прозрачны его дали, что если это и город, то такой, каких нет на свете»¹¹.

Одесса в этих снах отождествляется с почти всегда идеализируемыми периодами жизни – детством и ранней юностью, тем более, что они выпали на более гуманную историческую эпоху, в которой было место довольно большой дозе свободы, предприимчивости, мечтам, даже авантюриности. Различья не в пользу для пореволюционной «эры» становятся особенно заметными в контексте московской жизни как Бабеля, так и Олеси; после кратковременной славы и благополучия наступил жестокий расчет, в случае Бабеля закончившийся арестом и расстрелом, в случае Олеси внутренней драмой, т. е. длительной борьбой с самим собою, пьянством и уходом из литературной жизни.

В свою очередь Илья Ильф и Евгений Петров, соавторы самых известных в мире произведений об Одессе советского времени: дилогии *Двенадцать стульев* (1928) и *Золотой теленок* (1931), укрепили юмористическую репутацию города, и расславили своим творчеством, несмотря на факт, что они создали сатирический его образ. Но необходимо

¹⁰ odesskiy.com/o/olesha-jurij-karlovich.html.

¹¹ www.tour-odessa.com/olesha.

подчеркнуть, что смысл сатиры Ильфа и Петрова является настолько неоднозначным и универсальным¹², что после уже прошедшей переоценки советских ценностей, некоторые слагаемые их сатиры превращаются чуть ли не в свою противоположность, т. е. то, что высмеивалось, теперь нередко можно считать достойным похвалы. Итак, припоминающие Одессу романские Старгород и Черноморск это города, где живы еще старые дореволюционные нравы (объект высмеивания), а предприимчивость в новых условиях нередко ведет к преступности. Одесские реалии: фамилии знакомых, названия учреждений, их функционирование (Ильф работал некоторое время в предприятии, припоминающим «Геркулес»¹³, а Петров в одесском угрозыске), примеры экономической деятельности энчанов и т. п., соавторы использовали для сатирического осмысления советской действительности и конструирования насыщенного скрытыми значениями смешного мира, как средства типологизации и архетипизации современных им явлений, в т. ч. механизмов человеческого поведения в нечеловеческих условиях. Знание одесских реалий использовано ими в лепке мира в общем враждебного человеку, но подчиняющегося «освоению». Например, в концепции персонажа, решающего в большой мере об успехе дилогии, «великого комбинатора» Остапа Бендера, эмансипированного от ключевых в русской литературе категорий положительности и отрицательности, экспонируется факт его отчуждения от советского общества. Он сам называет себя «сыном турецкого подданного», что звучит довольно загадочно, и лишь изучая историю Одессы, не связанный с ней читатель узнает, что турецкое подданство в царские времена принимало немало находчивых одесситов, так как в некоторых ситуациях это приносило им пользу, напр., освобождало от армейской службы. Присутствие на страницах сатирических романов не похожего на советских граждан авантюриста позволяло авторам мимикрировать в условиях идеологической борьбы, приписывать ему высказывания, почти открыто высмеивающие абсурды советской действительности 20-х годов, в общем все то, что «достойно быть высмеянным» (расхождение теории с практикой, нахальная пропаганда, бюрократизм, культурная политика, абсурдные законы и т. п.). В Черноморске все-таки сохранился дух предприимчивости и находчивости (правда, нередко входящий в конфликт с тогдашними законами), а факт, что в советских условиях он не приносит пользы государству, бросает тень скорее на сковывающую его систему, чем на безалаберных героев, которым пришлось в этой системе

¹² Подробнее о свойствах сатиры Ильфа и Петрова см. мою статью: *Сатирическое наследие И. Ильфа и Е. Петрова вчера и сегодня*, "Studia Wschodniosłowiańskie", t. 12, Białystok 2012, s. 133-153.

¹³ См. статью дочери Ильфа Александры: А. Ильф, *По следам Ильфа и Петрова*, magazines.russ.ru/october/2012/5/a11.html.

жить. И хотя в общем Ильф и Петров вынуждены были разоблачать философию комбинаторства и стремлений к праздной жизни, а всем теневым сторонам советской действительности противопоставлять «великие и светлые дела», которыми жила страна, многие из этих теневых дел содержат элементы критики нового порядка, сопротивления ему, и поэтому они вызывали и вызывают симпатию читателей; недаром жители дореволюционного русского юга строят памятники не только «голубой птице» Бендеру, но и вору-неудачнику Паниковскому и всем романым комбинаторам помельче.

Илья Ильф посвятил также Одессе сатирический фельетон *Путешествие в Одессу* (1929) с подзаголовком *Памятники, люди и дела судебные*, стилизованный на путеводитель для туристов. Одесса названа в нем «одним из наиболее населенных памятниками городов». Автор припоминает, что до революции их было четыре, но «бронзовую самодержицу свергли», а новых памятников появилось свыше трехсот. Мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята это знак эстетической безвкусицы, характерной для пролетарского искусства, которая, к сожалению, проникла и в Одессу. Добавим, что она заметна еще до сих пор, хотя в последние годы город постепенно от ней освобождается. Ильф с иронией констатировал также факт, что на общеизвестной одесской лестнице снимаются все исторические фильмы, и «про гайдамаков, и про римлян». Последнее предложение содержит уже намек на частое злоупотребление категорией достоверности, что через некоторое время, в период расцвета социалистического реализма, стало средством явной фальсификации разных фактов и явлений.

Наиболее полный, хотя от исчерпывающей всесторонности еще далекий, образ Одессы в разные периоды ее истории создал Валентин Катаев. Как известно, он пережил всех своих коллег одесситов¹⁴ и младшего брата (принявшего псевдоним Петров), некоторых даже на сорок с лишним лет, и к феномену Одессы обращался много раз на протяжении своего длинного творческого пути¹⁵ – и в ранних стихотворениях и рассказах, и в период подчинения социалистическому реализму, и после «повторного дебюта» (вторая половина 60-х г). Из избилующей в драматические события истории города его внимание привлекали революционные 1905 и 1917 – 1921 годы, и период второй

¹⁴ Свои отношения с писателями из под знака одесской плеяды Катаев анализировал в романе *Алмазный мой венец*, стилизованном на мемуары, но являющимся «свободным полетом фантазии». В конце произведения автор создал им силой своего воображения виртуальные памятники, но не в Одессе, а в Париже.

¹⁵ Творчество В. Катаева рассматривается мною в монографии: W. Supa, *Twórczość Walentina Katajewa*, Białystok 1986. Образ Одессы в названном источнике в принципе не был предметом исследования.

мировой войны. Мирная советская Одесса мелькает в его произведениях незаметно, как фон жизни некоторых героев, также драматические моменты из прошлого XIX в. вспоминаются им только мимоходом, напр.: «на вид такой разноязычный, мирный и беспечный (город – В. С.), некогда переживал бурные дни и над его черепичными крышами летали бомбы»¹⁶.

Для автора настоящей статьи из наследия Катаева в контексте темы «Одесса» самым интересным является двойственность образа города, в меру объективного в 20-е годы, идеологизированного и чрезмерно героизированного в 30-е, 40-е и 50-е, и деидеологизированного, но по-прежнему поэтизированного, в «мовистский»¹⁷ период, когда писатель возвращался к написанному раньше с целью ввести корректуру, изъять схематизм и фальшь, а также провести эксперимент с самой «архитектурой литературной вещи» (*Трава забвенья, Алмазный мой венец, Уже написан Вертер, Спящий, Сухой лиман*).

Авторы интервью, проведенных с Катаевым в последние годы его жизни, обращали внимание на факт, что несмотря на то, что 64 года своей жизни он провел в Москве и в советскую Одессу приезжал редко, остался одесситом до конца своих дней, даже говорил с одесским акцентом¹⁸. Наиболее полно и подробно Одесса показана Катаевым в открывающей автобиографическую тетралогию повести для молодежи *Белеет парус одинокий* (1936) и в перекликающемся с ней «мовистском» романе *Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона* (1972). В каждом из этих произведений показана Одесса детства будущего писателя, которое выпало на нулевые годы XX века, записавшиеся в истории города активным участием черноморских матросов и части населения в революции 1905 г.

В *Парусе* через призму восприятия ребенка экспонирован колорит городского топоса с учетом его социума. Это произведение до сих пор воспринимается как путеводитель по старой Одессе, благодаря подлинным названиям множества улиц, описаниям архитектурных объектов, застроек, парков, ярких портретов представителей ее населения и т.д. Для детского героя городское пространство это богатый по содержанию текст, вызывающий естественное любопытство, текст, который мальчиком постепенно осваивается, а происходящие в нем события это спектакль, организованный самой жизнью, превращающейся в историю. Читателю город дневной и ночной, мирный и взбунтовавшийся

¹⁶ В. Катаев, *Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона*, в: тот же, *Избранные произведения* в трех томах, Москва 1977, т. 2, с. 328.

¹⁷ «Мовизм» по словам самого Катаева обозначает стремление писать нарочно плохо (от французской версии последнего слова) по отношению к нормам социалистического реализма.

¹⁸ Интервью Р. Александрова, www.odessitclub.org/reading/room/orbatova/pamjati-kataeva.php/, публ. Т. Орбатовой.

или оккупированный явится через призму зрительных и звуковых деталей, привлекающих внимание живущего в нем ребенка, который смотрит и слушает, запоминает, забывает и вновь вспоминает увиденное, пытается заполнить своим воображением то, что непонятное, напр., некоторые названия кварталов и улиц, когда удивление вызывает факт, что в квартале «Ближние мельницы» нет никаких мельниц.

Город показан автором и со стороны моря и изнутри, при чем подчеркивается его социальное деление, типичное для большинства городов: центр, где живут богатые, улицы подалее от центра, где живет трудовая интеллигенция и мелкая буржуазия и бедные окраины, где рядом с хижинами рабочих размещены склады и мастерские. Согласно идеологическим требованиям времени писатель подчеркивает, что семья одного из двух главных героев, сына учителя Петра Бачея «жила далеко не в центре», а второй детский герой Гаврик это житель полунищей приморской окраины. Кроме многократно воспетых литературой достопримечательностей (с употреблением уже превратившихся в почти постоянные эпитетов: «куполообразная крыша театра», «колоннада Воронцовского дворца», «ресторан на сваях Аркадия», «знаменитая лестница»), как характерные свойства Одессы упоминается запах цветущих акаций, летом горы арбузов на ее площадях, музыка, доносящаяся из ресторанов. Звуковые ощущения, характерные для города начала XX в., атакующие слух пребывающего в городе, это «хлопанье подков, высекавших из мостовых искры», «дробный стук колес», «звонки конок», «скрип обуви и твердое постукивание тросточек по тротуару», «свист паровиков с вокзала».

Много места в повести Катаев посвятил изображению, с одной стороны, низших слоев общества, ставших после революции классом-гегемоном, т. е. рабочих разных профессий (Терентий и его товарищи) и рыбаков (дедушка Гаврика), а с другой представителей тогдашней власти – жестоких полицейских, сыщиков, чиновников. Будни бедных одесситов контрастно непохожи на благополучное существование жителей городских кварталов. Дедушка и старший брат Гаврика должны тяжело работать, но изнурительный труд не всегда приносит им пользу, так как их обманывают торговцы (хрестоматийная сцена с торговкой на Привозе), владельцы предприятий, преследует полиция. Реакцией на такую ситуацию является недовольство, быстро перерождающееся в бунт. В 1905 г. город стал местом сражения богатых, за которыми стояла государственная система, с бесправными бедными. Катаев показал формирование организованного революционного движения, толчок к которому дали взбунтовавшиеся матросы корабля «Потемкин», борьбу на уличных баррикадах и бегство уцелевших революционеров в катакомбы (бывшие каменоломни), умело связав идеологический материал с приключенческим сюжетом, давшим возможность превратить

детских героев в революционеров. В обсуждаемой повести Одесса трактуется как героический город, подготовивший баррикадами 1905 года платформу для победной октябрьской революции и эпохальных перемен.

Деидеологизация образа детского героя в *Разбитой жизни...* проявляется, между прочим, в фактах, что герои *Паруса* Гаврик и Петя Бачей носили сражающимся на баррикадах революционерам боеприпасы, а Валя Катаев уличную борьбу наблюдает из окна своей комнаты, и вообще тот период жизни героя и сам город показаны при помощи других приемов. Повествовательную ткань романа организуют механизмы функционирования памяти, ее осколки, сохранившие слова-ключи, активизация которых воскрешает по-прустовски картины прошлого. Автор-герой-повествователь вспоминает детские впечатления, игры, школу, семью, товарищей, и конечно, город, в котором он жил, и который также является первостепенным героем произведения. Сам город, его атмосфера и характерные для городской жизни явления и события трактуются как один из воспитательных факторов, оказывающих сильное влияние на развитие ребенка. Кроме семейных и школьных событий вспоминаются доступные детям из богатых и средне богатых семейств развлечения: цирк, театр, музеи, концерты духовых оркестров, спортивные соревнования, выставки технических новинок, прогулки на пони, роликовые коньки, модные игры, напр., бильбоке или бибабо. Дореволюционная Одесса, показанная автором и в «натуре», и через описания картин изображающих ее фрагменты живописцев, предстает перед читателем как крупный культурный, научный (Новороссийский университет) и торговый центр (в техническом отношении, как замечает Катаев, более передовым был расположен сравнительно недалеко Екатеринослав), город очаровательный и днем и вечером, «припоминающий Неаполь или, во всяком случае, Сорренто». И текст повести с 1936 г., и экспериментального романа с начала 70-х г. насыщены полными восторга поэтизированными описаниями одесской панорамы или зарисовками избранных фрагментов городского пейзажа, напр.:

Мы поспешили в город, уже озаренный огнями фонарей и витрин, такой богатый, такой уютный, красивый, шумный, наш дорогой город с извозчиками, каретами, велосипедистами, трескучими гранитными мостовыми, открытыми окнами домов, откуда из-за кружевной зелени акаций с черными рожками семян слышались звуки роялей, скрипок и страстных голосов, певших итальянские романсы... Видя афишные тумбы, слыша звонки конок, я погружался в очарование города¹⁹.

Кроме того, в текстах Катаева разных периодов повторяется информация, что происходящего с севера России отца писателя

¹⁹ В. Катаев, *Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона*, в: тот же, *Избранные произведения в трех томах*, Москва 1977, т. 2, с. 109.

(аналогично, как и многих других жителей Одессы), город привлек своим теплым климатом и «баснословно дешевой» жизнью; экономисты и социологи добавляют к этим факторам еще выгодные банковские проценты.

Одесса времен октябрьской революции и гражданской войны наиболее полно показана автором *Кубика* в рассказах 20-х гг., в поздней повести *Уже написан Вертер* (1980) и рассказе *Спящий* (1985). В начале своего творческого пути он, аналогично как и его друзья-одесситы, показывал Одессу как город, являющийся полноправной частью европейской истории и культуры, как некоторое магическое или волшебное пространство, где живут люди, одаренные богатой фантазией, умеющие любить, радоваться и страдать. Этот город притягивает героев известных мифов и литературных произведений, напр., доктора Фауста в рассказе *Железное кольцо* (1920). Таинственный иностранец дарит несчастно влюбленному одесскому поэту талисман, приносящий счастье, но не всем и не всегда; когда шли ожесточенные бои красных с белыми, в голодающем городе кольцо притаилось, не позволяло себя найти. Одесса накануне первой мировой войны запомнилась как город благополучия и изобилия, в котором строились новые дома и государственные объекты, процветало искусство и торговля (рассказ *Встреча*, 1934). Самое одесское пространство трактуется писателем как источник полноты жизни и счастья: «небо над городом все того же влажного голубого цвета, а сливы на рынке в августе покрыты все той же изумительной бирюзовой пылью»²⁰.

Праздная и веселая жизнь продолжалась еще в первые годы гражданской войны, когда зажиточная часть населения продавала пригородным крестьянам семейные драгоценности в обмен за продовольственные продукты, а корабли, уходящие из «города трех маяков», увозили богачей, «спасающихся от надвигающейся с севера бури». Содержание рассказа *Спящий* можно воспринять как спор с Бабелем – Катаев также показал налетчиков, Ленку Грека и таинственного Манфреда, но невезучих, поплатившихся за налет на банк жизнью. Для постаревшего героя, переживавшего прошлое второй раз в сновидениях, это счастливый период молодости, приключений и состояния влюбленности.

Сигналы пореволюционных перемен жизни одесситов к худшему сигнализируются Катаевым уже во второй части рассказа *Железное кольцо*. Занявшие город красные запретили свободную торговлю – двигатель благополучия. На торговцев организовались облавы. Автор с беспощадностью сторонника большевиков сообщает, что «в третьем

²⁰ В. Катаев, *Железное кольцо. Рассказы*, Москва 1989, с. 94.

году республики город голодал», а «штаб-офицерские вдовы и вылинялые графини распродавали остатки своего хлама»²¹.

Атмосфера революционного ада в Одессе наглядно воспроизведена Катаевым в одном из лучших его рассказов *Отец* (1925), в котором центром городских событий избрана переполненная городская тюрьма. Внимание рассказчика концентрируется на двух городских объектах: тюрьме и кладбище, которое было видно из окон тюрьмы. Многих арестованных большевиками ждали пытки и смерть, но герой, близок реальному автору, вышел на свободу и стал сотрудничать с новой властью. С его точки зрения город стал другим – он был «нов и страшен», скован совсем не южным морозом, с «обледенелыми улицами», продуваемый холодным ветром и погруженный в темноте. Его как остров окружали сытые уезды и деревни. Тогда «нищая жизнь жителей была полна забот о пайке и хлебе». Новые, чуть ли не фантастические черты города времен гражданской войны символизируют потери, которыми надо оплатить будущую победу: «подобно кораблю, город преодолевал дни, как волны». Но несмотря на потери, на улов смерти, согласно требованиям времени в заключении констатируется, что начинает кипеть новая «свободная» жизнь.

К революционному эпизоду, связанному с заключением в одесской тюрьме, Катаев вернулся через с лишним полвека. Изображенный в романе *Уже написан Вертер* эпизод основан на подлинных фактах²². Происходящее в Одессе было типичным для всей России и многих будущих советских республик, где имел место большевистский террор. В *Вертере* показана та же одесская тюрьма, о которой шла речь в рассказе *Отец*, но она гораздо более зловещая, кроме того, в романе имеем дело с другой шкалой событий и с их интерпретацией в другом аксиологическом ключе. Из тюрьмы почти никто не выходил живым («воздух пах смертью»), большинство заключенных чекисты расстреливали в подземном гараже под шум включенных двигателей грузовых машин. Портреты жертв и палачей нарисованы автором в тонкой ткани рвущихся сновидений. Жертвы это молодые одесские интеллигенты и сыновья мелкой буржуазии, с еще не вполне сложившимися политическими взглядами, которых втянули в деятельность, квалифицируемую как антиреволюционная. Им не был дан шанс исправить ошибки, ни предотвратить свою гибель. Палачи, которые станут жертвами в будущем, это фанатики революционных идей, готовые

²¹ Там же, с. 96.

²² Катаев в своей первой (ранней) автобиографии написал: «Гражданская война 1918 – 1920 годов на Украине замотала меня в доску, швыряя от белых к красным, из разведки в чрезвычайку. В общей сложности в тюрьме я просидел не менее 8 месяцев». См.: *Автобиографии и портреты русских прозаиков*, ч. VI, Москва 1926, с. 142; О. Капчинский, *Герой Катаева закончил свои дни в Сиблаге*, «Вечерняя Москва» 1997, 20 декабря.

залить весь мир кровью врагов, в том числе и кровью революционеров, не оправдавших доверия, проявивших человеческую слабость. Революция показана в этом произведении как сила губительная, разрушительная и для старого мира вообще, и для Одессы в частности.

В *Вертере* Катаевым предпринята попытка переоценить распространенные представления на тему октябрьской революции, снять с этого понятия ареол святости, развенчать бытующий в советском обществе уже много десятилетий ее миф как рубежа, отделяющего новый «хороший» мир от ужасного мира старого. Одесская тюрьма стала знаком «пространства вселенной, населенного сотнями миллионов человеческих тел, насильственно лишенных жизни за одно лишь последнее столетие в результате войн, революций, политических убийств и казней, контрреволюций, диктатур, освенцимов, хиропшим, нагасак, фосфорических тел, смешавшихся с водоротами галактик²³.

Несмотря на то, что в Одессе жило много поляков, польский исследователь в литературном наследии представителей «одесской плеяды» не найдет много польских акцентов. Мелькают информации о польских корнях Олещи (к концу гражданской войны его родители уехали в Польшу, а он в Россию). В обсуждаемых произведениях Катаева встречаются подробности – носители категории реалистического правдоподобия (разноязычное население), напр., кухарка в повести *Белеет парус одинокий* обращаясь к герою, употребляет слово «паныч». Более значительным в интересующем нас аспекте является эпизод из *Вертера*, где среди эпизодических героев показаны поляки-заговорщики, мечтающие о возрождении Польши «от моря до моря»; автором такие стремления трактуются с явной иронией, все заговорщики уничтожены большевиками. Кроме того, в разных текстах Катаева и других представителей одесской плеяды попадаются польские фамилии, упоминания о модных в России польских писателях Сенкевиче и Станиславе Пшибышевском. В общем, тема отношений между разными группами одесского населения, образ советской и постсоветской Одессы ждет новых писателей.

В заключении статьи необходимо подчеркнуть, что даже беглое знакомство с современной Одессой дает возможность заметить, что город сохранил благодарную память о связанных с ним и расславившим его писателях. На посетившего его иностранца-литературоведа сильное впечатление производит, м. п., факт, что большинство представителей одесской плеяды имеет в городе свои памятники или мемуарные доски. Кроме того, современный город украшают памятники известным литературным героям, в т.ч. и двенадцатому стулу из шедевра Ильфа и Петрова (что убедительно подтверждает юмористическую репутацию

²³ В. Катаев, *Уже написан Вертер* (в:) тот же, *Железное кольцо*, Москва 1989, с. 535.

и современных одесситов), а Литературный музей собрал и обогащает коллекцию экспонатов, иллюстрирующих литературную жизнь города разных времен.

Bibliografia

- *Одесская плеяда. Сатирические произведения 20-30-х годов*, Киев 1990.
- В. Катаев, *Железное кольцо. Рассказы*, Москва 1989
- В. Катаев, *Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона*, в: тот же, *Избранные произведения в трех томах*, Москва 1977, т. 2.
- В. Супа, *Сатирическое наследие И. Ильфа и Е. Петрова вчера и сегодня*, „Studia Wschodniosłowiańskie”, т. 12, Białystok 2012, s. 133-153.
- W. Supa, *Twórczość Walentina Katajewa*, Białystok 1986.
- О. Капчинский, *Герой Катаева закончил свои дни в Сиблаге*, «Вечерняя Москва» 1997, 20 декабря.

Wanda Supa

*Institute of Slavonic Philology
University of Białystok*

THE IMAGE OF ODESSA IN THE WORKS OF THE "ODESSA GALAXY"

Summary

The author analyses the literary image of Odessa in the works of writers belonging to the so-called "Odessa Galaxy." It included Valentin Kataev (1897–1986), Isaac Babel (1894–1939), Yury Olesha (1899–1960), Ilya Ilf (1897–1937) and Yevgeny Petrov (1903–1942). Writers in this group were united by biographical ties with Odessa and Ukraine (hence the name "the Black Sea school" in Russian literature of the 1920s and 1930s). The image of the city in their works was often satirical, full of humour. The decisive event in the life and works of these writers was, however, the October Revolution and the rise of the Soviet Russia.

Key words: Soviet Russia, Odessa galaxy, satire, censorship, revolution, humour, prose.

WANDA SUPA – prof. dr hab., rusycystka pracująca w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu w Białymstoku. Opublikowała między innymi monografie: *Poetyka współczesnej prozy rosyjskiej. Mimetyzm oraz formy umowne*, Białystok 1989; *Twórczość Walentina Katajewa*, Białystok 1996; *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok 2006. Zajęcia dydaktyczne: wykłady z historii literatury rosyjskiej od przełomu XIX i XX wieku po czasy najnowsze, wykłady z literatury powszechnej, ćwiczenia z literatury popularnej oraz seminaria magisterskie i licencjackie. Zainteresowania badawcze: literatura rosyjska XX i XXI wieku oraz literatura białoruska, sporadycznie ukraińska w kontekście literatury światowej. Najważniejsze problemy badawcze: teoria satyry i śmiechu, najnowsza literatura rosyjska, antropologia literatury, recepcja twórczości polskich pisarzy w Rosji.